

РЕЦЕНЗИИ

*Здравомыслов А.Г.**

«ГЛАЗАМИ ДОБРОГО СОСЕДА»

Койвисто М. «Русская идея». М.: Весь мир, 2002. – С. 243.

Русская идея

С позиций социологической теории важно отметить, как по-разному воспринимаются те или иные речевые обороты-штампы (стереотипы) в нашей стране и вне нее. Так, в российском контексте, особенно в философском обрамлении, «русская идея» подразумевает комплекс размышлений об особом пути российской цивилизации, которой присуща духовность, соединенная с православием, монархическими традициями, особой исторической миссией и т.д.

Автор рассматриваемой книги, президент Финляндии в 1982–1994 гг., Мауно Койвисто вкладывает в данное понятие свой смысл, а именно: реальность бытия самой России в ее истории и современности.

Важным представляется следующее утверждение – в Финляндии наша страна не воспринимается сейчас как угроза, хотя М. Койвисто отмечает, что его собственное воспитание прошло в атмосфере страха перед Россией. Этот страх «отчасти подпитывался историческим опытом Финляндии последнего периода автономии, или, как говорили в народе, "русского владычества", а также периода Второй мировой войны» (с. 8).

Книга примечательна тем, что автор претендует на выражение позиции «Финляндии» по отношению к «России». На это вновь необходимо обратить внимание именно с социологических позиций. Таких книг о России, где декларировалась бы претензия на выражение точки зрения какой-либо страны, мало. Ведь обычно авторы книг о странах либо пишут «от имени науки», либо ограничиваются тем, что высказывают свою личную точку зрения. Что касается М. Койвисто, то он автор необычный. Хотя он и социолог (доктор социологических наук), он все же в прошлом крупный государственный деятель и политик, для которого судьба его большого соседа никогда не была безразличной. Это понятно, особенно если иметь в виду заключительное рассуждение автора: *«Слабость России, свидетелями которой мы являемся, – это исключительное, временное явление. Русские будут стремиться преодолеть нынешнюю слабость и найдут средства для укрепления внутреннего порядка»* (с. 236).

В молодости М. Койвисто знакомился с марксизмом-ленинизмом, чтобы познать идеологию, против которой нужно бороться, и государство, которое воспринималось как угроза. Он признается, что его «воображения в области большой политики не хватило на большее, чем на представление о сохранении в дальнейшем сложившегося порядка вещей: Советского Союза как единого государства и разделенной на два государства Германии. Впрочем, я не был одинок в этой убежденности» (с. 8).

* Здравомыслов Андрей Григорьевич, доктор философских наук, профессор, экс-президент Профессионального сообщества социологов (Москва).

© Центр фундаментальной социологии, 2002г.

© Здравомыслов А.Г., 2002г.

Автор считает, что распад Советского Союза и «государственно-социалистического блока» мог бы произойти и иначе, чем это случилось на самом деле. *«Могло быть и хуже, значительно хуже!»* (с. 9). Это очень важная констатация, поскольку многие российские аналитики предполагают «лучшие», «более благоприятные» с точки зрения сохранения советской государственности варианты.

Читатель найдет в книге немало интересной информации. Например, о том, что именно Александр I возвел финнов в ранг европейской нации, или о том, как царское правительство способствовало культурному самоопределению финнов, поддерживая и проводя в жизнь крупные проекты в области градостроительства, образования и культуры.

Книга представляет собой серию очерков, причем большинство материалов касаются XIX века. Общее отношение к русским выражено следующим образом: *«У русских более богатый внутренний духовный мир, и поэтому они живут более достойной жизнью... Особенностью русского православного мышления является убеждение, что не следует бояться страданий, гедонизм в принципе ему чужд, это, однако не означает, что к страданиям нужно стремиться, хотя в монастырской жизни распространена мысль о том, что если человек подвергается испытаниям, это облагораживает и вознаграждает его. Отсюда следует, что люди в России готовы к страданиям больше, чем на Западе. Это помогало им пережить многое, когда они видели перед собой высокую цель»* (с.110–111).

Этот культурный стереотип, который, разумеется, не покрывает всего многообразия русских социальных типов, в какой-то мере является лестным для русского национального самосознания. Заметим, попутно, что, по данным опросов общественного мнения, проведенных за последние годы, финны стоят достаточно высоко на «лестнице» симпатий россиян к иным нациям.

Остановимся теперь на нескольких сюжетах, представляющих интерес для российского читателя, и прежде всего, для специалиста, мыслящего в категориях «социологии пространства».

О сферах интересов в пространстве мировой политики

М. Койвисто пишет: *«Согласно российскому мышлению, страна, которая когда-то была завоевана Россией, остается ее частью. Таким образом, и мы в Финляндии, согласно этой логике, по-прежнему остаемся в сфере интересов России»* (с. 236).

На эту тираду хотелось бы ответить в евангельском духе: *«Пилат спросил Его: Ты царь Иудейский? Он же сказал ему в ответ: ты говоришь»* (От Марка. 15, 2).

Во всяком случае из некоторых публикаций о России видно, что и Россия остается в сфере интересов Финляндии (напр., Маркку Кивинен. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России, С-Пб, 2001.) Роль ее в европейско-российских связях возрастает благодаря тому, что Финляндия остается единственным из членов ЕС, которая имеет общую границу с Россией. На мой взгляд, вполне правомерно говорить о российско-финском культурном пространстве, вбирающем в себя имена (Баратынский, Репин, Сибелиус и многие другие), учреждения (Университет Хельсинки, Александртери Институт), страницы истории: самый продолжительный период добрососедства, и относительно краткий период противостояния. Существует и то, что обычно называют финно-угорским компонентом в русской культуре – в прошлом чудь и весь, а ныне карелы, марийцы, удмурты, коми, мордва и др., который не затрагивается в рассматриваемых очерках.

Россия рассматривается автором не с позиций взаимоотношений центра и регионов, а в контексте мировой истории. Одним из сюжетов является «собрание русских земель», которое вылилось в создание и расширение империи. «Но по сравнению с другими государствами, стремившимися к экспансии, у России была меньшая потребность искать выгоду от расширения [территории]. В случае с экспансией России речь идет о странах, которые в географическом отношении были с ней связаны. Экономические отношения новых

территорий с Россией, равно как и их социальное развитие, нельзя охарактеризовать только как колониальные» (с.7–8).

Как это часто встречается в книге, автор высказывает интригующую мысль, и останавливается, не развивая ее далее. Между тем, проблема специфики российского имперского пространства, как показало специальное заседание на XV Всемирном социологическом конгрессе, остается весьма актуальной.

Наиболее интересна разработка проблематики сфер влияния и интересов. У автора она связана с изложением истории взаимоотношений России, Германии, Франции и Англии в XIX веке: Крымская война, в которой активное участие принимала Финляндия (в составе России), а позже война с Турцией, договор в Сан-Стефано (1878 г.), а точнее, его пересмотр в том же году на Берлинском конгрессе по инициативе Бисмарка, привели к ослаблению позиций России в европейском политическом пространстве, и во многом завязали тот узел противоречивых отношений на Балканах, который до сих пор оказывает влияние на международную политику (с. 130–131).

Вопросы и ответы: взгляд на Россию современную

«Новая старая Россия» – в этом разделе книги больше вопросов, чем ответов. Прошло ли время мессианства? Прошло ли оно для России? Прошло ли оно для других стран и народов?

Стремление к благосостоянию и счастью, – утверждает автор, – не было характерным ни для России, ни для Советского Союза. Речь шла о достижении более крупных целей, причем в случае необходимости ценой лишений и страданий.

Что представляют собой сегодняшние россияне? Являются ли они «обыкновенной» нацией? Станет ли Россия рядовой по мировым меркам страной и великой в экономическом отношении державой в европейском масштабе? Станет ли она страной, которая желает добра своим гражданам, стремится содействовать установлению лучшего миропорядка? Эти вопросы – а именно на них и ждет ответа читатель, остаются открытыми.

По мнению М. Койвисто, «как и прежде, Россия напрягает до предела все ресурсы для осуществления своих целей, которые иногда имеют вселенские масштабы» (с. 227–228). И вновь вызывает сожаление тот факт, что сами эти цели не охарактеризованы автором! По его мнению, это – одна тенденция в политическом развитии современной России. Но здесь же отмечается и другая: «Уже есть признаки того, что возникает новое российское общество, которое гарантирует достойные условия для материальной и духовной жизни своих членов» (с. 230).

Для автора как социолога несомненно, что приватизация была центральным двигателем тех социальных изменений, которые произошли в России в постсоветское время. Для нас важно не столько описание фактической стороны дела, сколько оценка инициации этого процесса и его последствий, формулируемая видным политическим деятелем страны, дающей пример устойчивого, стабильного развития. Как же автор оценивает этот процесс?

«В России приватизация проводилась в различных формах, в том числе в виде *грабежа*, открытого присвоения государственной собственности. Были выпущены так называемые ваучеры, дающие право стать совладельцами предприятия. Поскольку ваучеры имели денежную стоимость, их начали обменивать на рубли. Тем, кто был в лучшем положении и более подготовленным, удалось купить эти ваучеры весьма дешево. Так делали многие руководители предприятий.

Затем был проделан грандиозный трюк. Поскольку у правительства не было денег, оно взяло большие займы у банков под залог природных богатств...

И когда государство оказалось не в состоянии вернуть банкам займы, то залогом, т.е. природные богатства, были выставлены на аукцион. Небольшому кругу, так называемым олигархам, удалось сколотить на этом огромные состояния» (с. 231). И далее: «Случилось так, что государственная собственность в основном попала в руки прежней партийной элиты,

поскольку у нее были лучшие позиции на момент начала дележа собственности государства» (с. 233).

Примечательно, что оценки приватизации, которые дают такие разные авторы, как М. Койвисто и Р. Медведев («Капитализм в России?», 1998) весьма схожи. И тот, и другой характеризуют этот процесс как *грабеж* государственной собственности.

Международные организации, содействовавшие проведению российских реформ, отмечает автор, не придавали значения тому, в чьих руках будет собственность. «Главное, что приватизация идет. Предполагалось, что со временем процесс приватизации станет более сбалансированным... Это время пока не наступило. Но тем не менее существует возможность того, что произойдет передел крупной собственности, будут рассмотрены вопросы, связанные с захватом собственности отдельными личностями» (с. 231).

И еще одно замечание, весьма существенное для понимания взгляда на Россию со стороны. Радикальные изменения «произошли на удивление мирно. Конечно, они вызвали большие страдания, вызвали у многих людей чувство безнадежности и привели к необоснованной идеализации прошлых времен. Но могло быть значительно хуже» (с. 232).

Эта мысль оказывается доминирующей. История могла разворачиваться по-разному. Тот или иной поворот определялся инициативой конкретных лиц, аккумулировавших в своих действиях интересы масштабных социальных сил, которые могли бы еще длительное время дремать, созреть, перезреть. Реально действующий политик – а об этом автор судит на основании собственного опыта – хотя и ограничен в своих возможностях, всегда имеет определенные рамки выбора. Он может поступить так или иначе. И от этого выбора многое зависит. Иными словами, автор делает упор не столько на объективной обусловленности процессов, сколько на выявлении значения волевого, сознательного начала, представленного действующим политическим корпусом. Это также свидетельство современного социологического мышления, для которого субъект действия и само социальное действие имеют значение доминирующих категорий.

Витте versus Столыпин

Из российских политических деятелей особое внимание и симпатию М. Койвисто привлекает фигура С. Витте (1849–1915). Описанию его деятельности посвящена отдельная глава. Вопреки господствующей тенденции в российской литературе автор сознательно противопоставляет его П. Столыпину, который заимствовал идеи ослабления и роспуска крестьянской общины у Витте, но в целом стоял на более консервативных и даже реакционных позициях в политике. В конце своей жизни «Столыпин стал все больше проявлять националистические и шовинистические тенденции. Он начал жесткую кампанию за ликвидацию автономии Финляндии...» (с. 167).

Восток или Запад

Один из главных вопросов, который обсуждается в книге, сводится к тому, принадлежит ли Россия Востоку или Западу. Поиски ответа – в рассмотрении всей тысячелетней истории нашей страны.

Решающая роль в повороте России на Запад принадлежит, по мнению М. Койвисто, Петру I, реформы которого детально описываются в соответствующем разделе (с. 61–68). Особое внимание, естественно, уделяется взаимоотношениям России и Швеции «Карл XII, – пишет автор, – совершенно неверно оценил растущую силу России... Ясно, что сила России во всех отношениях оказалась неожиданной. Карл XII в своей политике исходил из того, что Россия, Польша, Литва и Швеция имели одинаковое влияние» (с. 73). Вместе с тем подлинный поворот России к Западу автор связывает с деятельностью Екатерины Великой и Александра I.

О вхождении Финляндии в состав России

Вот как характеризуется действительно важная для финского национального самосознания проблема вхождения Финляндии в состав Российской империи. Одна из действующих в этом направлении сил – образование группой пророссийски настроенных финляндских дворян «Аньяльского Союза». Союз возник в Швеции во времена правления Густава III (1771–1792). Лидеры союза предлагали установить мир с Россией путем выхода Финляндии из шведского подданства и вхождения ее в состав российской империи. Густав III считал, что такого рода идеи являются мятежом. Глава Аньяльского союза граф Спрэнгпортен (1740–1819) вместе со своими сторонниками вынужден был бежать в Россию и поступить на службу к Екатерине II (эта история напоминает историю князя Курбского, бежавшего в Польшу во времена Ивана Грозного, и Мазепы во времена Петра I).

Спрэнгпортен стал генерал-губернатором Финляндии и создал первый проект конституции, которая при содействии Сперанского легла в основу статуса, полученного Финляндией в рамках Российской империи.

Другую силу, решившую вопрос о присоединении Финляндии, инициировала деятельность российского императора. По мнению автора, «завоевание Финляндии не входило в планы Александра, однако он сделал это вопреки своему желанию по просьбе Наполеона» (с. 80). Можно сказать, что выход Финляндии из состава Швеции был результатом перегруппировки сил на европейском континенте в период наполеоновского владычества и союза между Россией и Францией после Тильзитского мира.

Присоединение Финляндии к России датируется 1809-м годом. Вместе с тем в правовых документах, фиксирующих это событие (Фридрихсгамский мирный договор), само слово Финляндия еще не употребляется. «Впервые о финнах как "нации в числе других наций" сказал Александр I, когда участвовал в открытии сословного сейма в соборе города Борго (Плорвоо) в марте 1809 года» (с. 85).

Автор уделяет большое внимание проблеме статуса Финляндии как Великого княжества и тому, что российский император добавлял новые характеристики к своему официальному титулу. Он становился «царем всея Руси, царем Польским... Великим князем Финляндским и т. д.» (с. 85).

Александр I издал также специальный документ – «Заверение», в котором обещал, что Финляндия «сохранит свою религию, конституционные законы и сословные привилегии». Это обещание подтверждали все российские императоры, восходящие на трон, чему в Финляндии придавалось большое значение.

Во времена русского правления финны медленно, но верно укрепляли свое независимое положение. Интерпретация этого процесса в сознании правящих кругов Финляндии выражалась формулой: «Финляндия не принадлежит России, обе страны лишь имеют общего правителя» (с. 86).

Как отмечает автор, на протяжении XIX в. в Финляндии формировались общероссийские патриотические настроения. Подразделения финских войск активно участвовали в Крымской войне. В Финляндии эта война получила название Аланской. Дело в том, что ее ходе объединенный британско-французский флот пришел в Балтийское море, высадился на Аланских островах и начал бомбардировку приграничных финских городов. В Финляндии, – сообщает автор, – до сих пор остаются популярными песни, связанные с событиями Крымской войны и последующей войны с Турцией.

Права финнов и русских, подчеркивает Койвисто, на территории самой Финляндии не были сбалансированы. Финны пользовались более широкими правами в России, чем русские в Финляндии. Пользу из этого извлекли и финны как нация в целом, и отдельные личности. «Многие финны сделали в России удачную карьеру и преуспели в предпринимательской деятельности» (с. 87).

Особый статус Финляндии в составе Российской империи связывается автором с целым рядом исторических эпизодов, имевших определенные последствия. Так, в 1811 г. к Великому Княжеству Финляндскому была присоединена так называемая старая Финляндия – восточные территории Швеции, завоеванные (или отвоеванные) еще Петром Великим. Благодаря этому границы автономной Финляндии вплотную приблизились к Санкт-Петербургу, что возымело серьезные последствия 130 лет спустя.

Интересно, что эта новая граница была и таможенной границей, управление которой относилось к компетенции Великого Княжества Финляндии. Финны, отмечает М. Койвисто, не раз использовали свое особое положение легкомысленно и вызывающе, раздражая тем самым российские власти (с. 88). Русские революционеры часто находили убежище на территории Финляндии, где российская полиция не имела такой же свободы, как на остальной территории империи. В 1905 г. финская полиция даже задержала агентов русской охраны во время проведения первой конференции РСДРП в Таммерфорсе.

И еще одно наблюдение: «после провозглашения Финляндией своей независимости (1918 г.) наличие границы на Карельском перешейке превратилось в проблему. Белоэмигранты не хотели признавать независимость Финляндии даже после того, как они утратили надежду вернуть власть в России. Весьма вероятно, что в случае победы белых в России даже автономия Финляндии не была бы признана, она была бы ликвидирована полностью или частично» (с. 89).

Здесь мысль политика также остается незавершенной. Она может быть истолкована и как косвенное признание правоты Советской власти, которая быстро и однозначно решила вопрос о независимости Финляндии. Жаль, что драматические моменты в истории самой Финляндии (и в истории советско-финских отношений) не рассматриваются в этой работе. А сложность исторических переплетений можно было бы проиллюстрировать и на примере того, как один из высоких чинов российского Генерального штаба (генерал Маннергейм) стал Президентом Финляндии в самые сложные годы ее существования.

Конечно, характеризуя события российской истории после Первой мировой войны, автор вправе использовать формулу «Россия встала на внеисторический путь развития» (с. 9). Но чем отличается исторический путь от внеисторического, – вот в чем вопрос!

Мне представляется, что рассуждение автора по поводу «ошибок в политике» (с. 228) более корректно. Пройденный путь, каков бы он ни был, составляет вклад этой страны в историю и культуру (позитивный и негативный). Этот путь может нести страдания, но его уже нельзя изменить.

Социальное пространство и проблема границ

В социологической теории есть понятие социального пространства, в политике существует понятие границ, обрамляющих пространства географические. Обратимся в связи с этими понятиями к окончанию книги, которую автор завершает анекдотом. «Рассказывают (в культурном пространстве распространена информация – в скобках мой текст. –А.З.), что когда в начале 60-х гг. я был с визитом в Москве, то будто бы предложил своему тогдашнему коллеге премьер-министру Косыгину (одному из политиков, реализующих внеисторический путь России!) передвинуть нашу восточную границу (автор не уточняет направление передвижения!).

На это Косыгин будто бы ответил: зачем передвигать, давайте уберем ее совсем. (Как это расценить? Как имперскую шутку на внеисторическом пути или стремление ускорить конструирование социального пространства без границ?). Если верить анекдоту, – продолжает автор, – то я сказал, что возникает вопрос, ответить на который может только президент Финляндии Урхо Кекконен (1956–1982) (признание иерархичности социального пространства), и поэтому я должен связаться с Хельсинки. Боюсь, однако, что Кекконен не захотел бы возглавить такое большое государство!» (СССР в это время возглавлялся Н. Хрущевым).

«У нас есть разного рода говоруны, – завершает свою книгу автор, – которые хлопчут о различных делах. Но время от времени нужно констатировать, что с Россией у нас нет спорных вопросов, касающихся границ, и мы не желаем их поднимать». (Анекдот окончен и сделано серьезное политическое заявление) (с. 239).

В заключение еще об одной особенности книги. В ней немало таких историй и анекдотов, которые насыщают историю живой жизнью, из которых видны характеры людей, внесших существенный вклад в создание облика России – в его политическом и культурном ракурсах. Поэтому прочесть ее россиянину полезно и занимательно.